

УДК 323.2; 327.3

**БУДУЩЕЕ ТУРЕЦКОЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ:
НАЦИОНАЛИЗМ ИЛИ УНИВЕРСАЛИЗМ?**

Исаков А.С.

Аспирант ИФФП УрО РАН

Г. Екатеринбург, Россия

**THE FUTURE OF THE TURKISH MODEL OF POLITICAL
MODERNIZATION:
NATIONALISM OR UNIVERSALISM?**

Isakov A.

Post-graduate student of the Institute

of Philosophy and Philosophy, UrB RAS

G. Ekaterinburg, Russia

АННОТАЦИЯ

Доклад направлен на изучение будущего политической модернизации и политического развития Турецкой республики. Особое влияние уделяется двум актуальным тенденциям: национализму и универсализму. Исследование базируется на методологии, предполагающей сравнение данных тенденций и описания их исторического контекста. Результатом исследования является актуальная характеристика политического баланса в Турции и анализ перспектив дальнейшего изменения.

ABSTRACT

The report aims to explore the future of political modernization and political development of the Turkish Republic. Special focus is on to two current trends: nationalism and universalism. Research is based on the methodology involves the comparison this trends and describe their historical context. The result of this

research is the actual characteristic of political balance in Turkey and analysis of the prospects for future changes.

Ключевые слова: Турция, исламизм, национализм, Реджеп Эрдоган, Кемаль Ататюрк, Арабская Весна, политическая модернизация.

Key words: Turkey, Islamism, nationalism, Recep Erdoğan, Kemal Atatürk, Arab spring, political modernization.

Современная Турция является актуальным пространством для академических изысканий политической науки. Усиление внешнеполитической роли государства вкупе с институциональными сдвигами в политической системе делает открытым вопрос о том, каким будет будущий курс политического развития. Этот вопрос находится в фокусе многих, как отечественных, так и зарубежных исследователей проблематики Востока. Для того, чтобы дать на него ответ, необходимо обратиться к истокам современного турецкого государства и тем историческим задачам, необходимость решения которых являлась основой детерминации его появления.

Необходимость создания институциональных моделей для политического развития, т.е. политической модернизации, в странах исламского Востока сопряжена с масштабными политическими кризисами. Основу для кризисной архитектоники в данном случае заложил распад, в результате Первой Мировой войны, Османской империи. Несмотря на последовательную ориентацию на интеграцию в «европейский концерт», в новой мировой системе Высокая Порта стала жертвой колониальных амбиций ведущих государств Запада. Предложенный президентом США Вудро Вильсоном вариант предполагал раздел практически всей территории бывшей империи между сферами влияния великих держав, оставляя за турецким населением небольшой кусок северных территорий.

Подобное предложение встретило резкое отторжение военной и административной верхушки страны. «Ататюрк пытался преобразовать Турцию в современное, западное, светское государство, осуществив эту

революцию «сверху». Эти изменения, исходящие от государства и спущены вниз как элемент социального конструирования, были осуществлены небольшой военно-бюрократической элитой, которая наложила свое атеистическое виденье на сопротивляющееся традиционное общество» [8, 32]. В поисках собственного антикризисного решения Мустафой Кемалем был предложен проект политической модернизации, предполагавший создание нового государства в границах Анатолии и Фракии. Залогом возможности ее реализации и стали последующие военные победы реорганизованной турецкой армии.

Перед руководством созданного государства – Турецкой республики, стояла задача экстенсивного генезиса собственной государственности, обеспечения легитимности власти и определения трансцендентных идеалов политического развития. Османская империя, будучи державой-хранительницей святынь ислама Медины и Мекки, претендовала на статус халифата и артикулировала религиозные ценности. Эта особенность, по мнению нового руководства, стала одним из факторов технологической отсталости, следствием чего и стало крушение империи. Для реорганизации политической, экономической и социальной сфер общества было принято решение осуществить рецепцию западных управленческих практик, а на основе идей европейского просвещения сформулировать идеалы будущего развития. Таким образом, идея состояла в создании национального турецкого государства с ускоренным этногенезом турецкой нации, избавленной от космополитического смысла османского наследия. «Националистические концепции «здорового тюркизма» были реализованы в форме идеологии государственной власти и организации общества на республиканской основе» [2, 13].

Новое государство отказалось от монархического и теократического наследия: в 1922 году был упразднен султанат, в 1924 – халифат, в 1925 были запрещены религиозные ордена дервишей, затем введена новая система образования, опиравшаяся на европейские светские традиции. В 1926 году

турецкие женщины получают равные с мужчинами права, что закрепляет принятие новых уголовного и гражданского кодексов, а в 1928 – турецкий язык положен на латинский алфавит.

Последовавшая за этим тотальная секуляризация имела свои особенности и радикально отличалась от европейского прообраза. Несмотря на то, что религия была официально отделена от государства, де-факто, государство оставило за собой право регулировать и регламентировать религиозное пространство. Это было осуществлено за счет замены традиционного института шейх-уль-ислама на специализированный орган в правительстве, передаче всех культовых учреждений ислама в собственность государства и наделения статусом государственных служащих представителей исламского духовенства. Таким образом, данная модель взаимодействия государства с религией была своего рода адаптацией имперского управленческого опыта: «республика унаследовала механизмы контроля и регулирования религии от системы, установленной Оттоманами» [8, 12].

Кроме того, демократические преобразования позволили умеренным происламским силам интегрироваться в новую политическую систему. «Турецкая модель», тем самым, представляется синтезом двух, на первый взгляд, несоотносимых друг с другом явлений – модернизации и секуляризации государства, с одной стороны, и ислама, допущенного благодаря созданной в результате модернизации и либерализации конкурентной политической системы к управлению страной, с другой» [5, 119].

В результате сопряжения особенностей восточной исламской политики и передового европейского опыта возникла уникальная «Турецкая модель» политической модернизации, показавшая возможность собственного воспроизведения в рамках долгосрочного политического развития. Институциональный дизайн данной модели обусловлен определенной конфигурацией действующих акторов и синкретической аксиологии,

основанной на традициях ханафитского ислама и автохтонных особенностей турецкого этноса.

Таким образом, основной причиной возникновения «Турецкой модели» является необходимость преодоления кризиса государственности и сохранение политического института, способного на мировой арене агрегировать и артикулировать интересы турецкого народа. Основным источником политических преобразований послужил передовой европейский опыт. Преобразования Мустафы Кемаля имели своей целью реализацию экстенсивной вестернизации как способа в обозримый исторический период сократить уровень дивергенции развития между Турецкой республикой и великими державами.

Основным действующим актором преобразований стала военная верхушка. Поддержку ей оказали широкие слои этнического турецкого населения, постепенно обретавшие оформленные черты национального самосознания. Кроме политического курса ускоренные темпы этногенеза обеспечивал также агональный характер, продиктованный военным и политическим противопоставлением грекам, армянам и курдам. В последствии армия приобрела статус защитника идеалов турецкого национального государства, поддерживая внутренний баланс политической системы и противопоставляя себя религиозным силам. «На самых крутых виражах истории страны армии удавалось выправить и стабилизировать ситуацию ... при любых катаклизмах политического процесса либеральная элита апеллирует к армии» [6, 246].

Основными качественными характеристиками результата создания «Турецкой модели» являются следующие новеллы: создание турецкого национального государства как субъекта международного права, панельная вестернизация, переложение турецкого языка с арабской вязи на латиницу, особенная форма секуляризации, масштабные структурные преобразования в экономике и создание политической системы демократического типа.

Неоднократные попытки пересмотреть политический курс кемалистов нивелировались в ходе военных переворотов.

В результате этого современная Турция обладает вековым наследием строительства национального государства европейского типа, с непрекращающимися попытками ассимиляции национальных меньшинств и позиционирования в качестве лидера тюркского мира. Стоит отметить, что данный курс ослабил турецкое влияние в исламском мире, особенно в странах арабской ойкумены. Тем не менее, в разное время, «Турецкая модель» становилась идеалом политической модернизации для таких государств как Алжир, Тунис, Египет, Марокко, Иордания, Иран. Также турецкий инвариант может имплементироваться насильственным путем в процессе военной интервенции, примером чего, условно, является современный Афганистан и, отчасти, Ирак.

Долгосрочные последствия имплементации «Турецкой модели» политической модернизации ассоциировали дальнейшее развитие государства с общеевропейским вектором. Это отразилось на последовательном курсе на вступление в Европейский Союз, а также активное участие в таких значимых межрегиональных форматах как ОБСЕ, Совет Европы, НАТО и т.п.

Со временем руководство государства, настроенное на более серьезный уровень европейской интеграции, стало более скептически относиться к данному вектору, так как его цели не реализовывались. Постоянное затягивание процесса получения полноправного членства в ЕС, вкупе с негативными последствиями процессов так называемой «европеизации» и «ЕСизации», постепенно сформировало негативное отношение к европейскому вектору и у большинства граждан. Это отразилось и на относительно негативном отношении к турецкому национализму, воспринимаемому как западное веяние, увеличившее дивергенцию турецкого населения и остального мусульманского мира.

Соответственно, единственная альтернатива действующей модели политического развития зиждется на аутентичных идеях и концепциях, основой для которых является религия. Рассмотрение ислама в качестве источника социально-политических смыслов стало оказывать значимое, а иногда и системообразующее, воздействие на политическую жизнь страны с середины 2000-х годов. Логичным результатом повышения интереса к религиозной проблематике стала смена правящей элиты в следствии закрепления у власти партии Справедливости и Развития и ее лидера Реджепа Тайипа Эрдогана.

Несмотря на первоначальную приверженность ценностям республики, идеям Мустафы Кемаля и проевропейской ориентации, со временем партия бросила вызов устоявшемуся консенсусу политической системы. С 2008 года в Турции набирает популярность скептическое отношение к ЕС. Приоритет делается на внутреннее развитие и национальные интересы, а также – увеличение регионального и мирового влияния. «Возросшие амбиции регионального лидерства и уверенность в собственных экономических силах привели к тому, что прежнее обаяние и привлекательность ЕС ощутимо ослабли как в общественном мнении, так и среди политической элиты» [6, 250].

Окончательный разворот вектора турецкой политики произошел под влиянием событий так называемой «Арабской весны». Измененный волнениями в ее ходе региональный баланс сил привел к вакууму регионального лидерства, возникшего после свержения Хосни Мубарака в Египте. Основными претендентами на ставшее вакантным место регионального лидера стали Турция и Саудовская Аравия, в противовес амбициям которых играет шиитский Иран.

Главным инструментом для продвижения региональных амбиций также служит религия. В Турции постепенно смещается вектор с кемалистского национализма к исламскому космополитизму. В данном контексте речь идет

о синкретической идеологии, предполагающей сочетание универсализма в виде умеренного исламизма с выраженным курсом на пантюркизм.

Турецкий универсализм основывается на реконцептуализации исторического опыта Османской империи. По аналогии, новый политический курс неофициально получает название «неоосманизм». «Неоосманизм представляет собой неофициальную внешнеполитическую доктрину Турции по расширению сферы влияния на сопредельные территории посредством «мягкой силы», за счет экономики, гуманитарного воздействия и наднационального духа» [1, 74]. Таким образом, внешнеполитический экспансионизм, де-юре, должен строиться именно на мягком воздействии, обеспечиваемом за счет высоких показателей экономического и социального развития. Использование османского наследия в качестве основы для ресурсного потенциала мягкой силы находится в фокусе и турецких исследователей [7].

При этом, непосредственно концепт «неоосманизм» является описательной категорией турецкой политики со стороны западной политической науки. В основе данной тенденции, как аналогии в системных речах министра иностранных дел Ахмета Давутоглу, так и выступления внесистемного общественного деятеля и видного лидера умеренных исламистов Фетхуллага Гюлена. Отсюда следует и определенный плюрализм понимания того, чем же является неоосманизм. С одной стороны, для правящей элиты — это универсалистский курс, представляющий инструментарий для поддержания внутривнутриполитического баланса и продвижения внешних интересов. С другой стороны, для сторонников Гюлена — это дорожная карта для превращения республики в новую Османскую империю, сочетающую в себе пантюркизм и исламизм [3, 74]. Подобные модели являются более привлекательными для продвижения турецкой политики во вне, в ореол которой могут включаться не только тюрские, но и арабские страны. «Внешне сложившаяся в Турции ситуация достаточно привлекательна для арабских исламистов, которые склонны видеть в Анкаре «модель» для своего развития» [5, 130].

Противопоставление двух этих концепций, двух отличных видений будущего «Турецкой модели», приводит к социальной конфронтации, кульминацией которой стала неудавшаяся попытка государственного переворота в 2016 году. Несмотря на то, что переворот представлял собой классическую попытку военных вернуть к власти светские силы, а предлагаемые перспективы, скорее всего, привели бы к возвращению на главенствующие позиции республикански настроенных кемалистов, сама попытка переворота позволила Эрдогану обвинить в его организации набирающего популярность и авторитет Гюлена, а также окончательно отстранить военных от власти.

Таким образом, в политическом дискурсе Турецкой республики представлены две противопоставляющиеся тенденции. С одной стороны, это идейное наследие Мустафы Кемала Ататюрка – модель светского национального государства и европейский вектор развития. С другой стороны, это артикуляция и институционализация исламизма как политической идеологии. Несмотря на наличие плюрализма, воспроизводство которого обеспечивается демократическими традициями политической системы, это является универсализмом, в рамках которого происходит адаптация исламского космополитизма и пантюркизма.

На сегодняшний день нельзя с определенностью сказать, за каким вектором закрепится будущее политического развития Турции. Как и у универсализма, так и у национализма, есть определенный набор факторов, обеспечивающий их актуальность. Актуальность универсализма обеспечивается за счет возрастающей волны евроскептицизма, исламистской ориентации партии Справедливости и Развития и более выгодного потенциала для сближения и распространения влияния на другие исламские страны. С другой стороны, мощный толчок для ренессанса турецкого национализма был дан двумя событиями. Во-первых, это свержение в Египте президента Мухаммеда Мурси, пришедшего к власти за счет исламистской повестки, и выбор нового главы государства - национально-ориентированного фельдмаршала Ас-Сиси. Во-вторых, определенное влияние оказало присоединение Крыма к России.

Это оказало актуализирующее воздействие на пантюркистский дискурс, предполагающий активную помощь и покровительство Турцией крымских татар, в особенности, не согласных с переходом под российскую юрисдикцию.

Подобный статус-кво позволяет говорить о том, что курс на универсализм в рамках «Турецкой модели» будет продолжен. Артикуляция идеями умеренного исламизма позволяет правящей элите успешно решать собственные задачи, особенно с учетом маргинализации исламской альтернативы в лице Фетхуллаха Гюлена. При этом, традиции национализма не могут быть отброшены в виду высокой популярности Мустафы Кемаля Ататюрка и необходимости апеллировать к его наследию для обретения легитимности. Также критический разворот политики может спровоцировать не только внутренний социальный конфликт, но и, к примеру, вызвать недовольство Турецкой Республики Северного Кипра.

Это позволяет говорить о том, что будущее турецкой политики будет в соблюдении баланса между национализмом и универсализмом, а также их последующей синкреции. Как итог, современный турецкий универсализм, как часть общей тенденции исламского космополитизма, и допускаемый в его рамках политический плюрализм, является, своего рода, антиномией национализма.

Список литературы

1. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная Мысль. 2014. №3(1645).
2. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. – М, 2003
3. Замов Э.А. Два пути политической мысли современной Турции // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2016. № 1(149). С. 74-80
4. Мамедова Н.М. Эффективность экономических моделей Ирана и Турции (сравнительный анализ) // Мировое и Национальное Хозяйство. 2011. № 1(16). С. 32-41

5. Сергеев В.М., Саруханян С.Н. Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Аналитические доклады ИМИ МГИМО(у) МИД России. 2012. №5(35).
6. Шлыков П.В. Национальная модель демократии и гражданского общества в Турции: динамика и основные детерминанты // Нации и Национализм на мусульманском Востоке / под ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. - М., 2015.
7. Çelenk A.A. Public Diplomacy and Foreign Policy Making: The Turkish Case // International Journal of Turcologia. 2015. № 10.
8. Rabasa A. Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey – Santa Monica, 2008